

Шукин Николай Владимирович
Студент АНО ОВО
Центросоюза Российской Федерации
«Российский Университет Кооперации»

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПРИ
УСТАНОВЛЕНИИ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ
МОШЕННИЧЕСТВА**

***Аннотация:** В статье рассмотрены некоторые актуальные проблемы судебной практики при квалификации судами мошенничества, в том числе при установлении субъективных признаков мошенничества*

***Ключевые слова:** хищение, мошенничество, субъективные признаки хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество при мошенничестве*

***Abstract:** The article deals with some actual problems of judicial practice in the qualification of fraud by courts, including the establishment of subjective signs of fraud.*

***Keywords:** theft, fraud, subjective signs of theft of someone else's property or acquisition of the right to someone else's property in fraud.*

Обязательным признаком хищения является наличие у лица корыстной цели, то есть стремления изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание другими лицами, круг которых не ограничен.

Анализ судебной практики показал, что суды, рассматривая уголовные дела о мошенничестве, не всегда проверяют наличие в действиях лица всех

неотъемлемых признаков объективной и субъективной стороны данного состава преступления, хотя отсутствие хотя бы одного из них исключает ответственность по статье 159 УК РФ.

Приговором Ковылкинского районного суда Республики Мордовия от 21 апреля 2017 года К.Г.Ф. осуждена по части 3 статьи 159 УК РФ. Она признана виновной в совершении путем обмана (мошенничество) хищения имущества, с использованием своего служебного положения – заведующей детского сада «Солнышко», с причинением ущерба Ковылкинскому муниципальному району в размере 42 382 рубля.

Согласно предъявленному обвинению и установленным судом первой инстанции обстоятельствам, хищение состояло в обращении Канайкиной Г.Ф. в свою пользу денежных средств, начисленных в качестве заработной платы сотруднице детского сада К.И.А., которая не исполняла длительное время своих трудовых обязанностей.

В судебном заседании К.Г.Ф. не отрицала того обстоятельства, что полученные вместо К.И.А. денежные средства находились в ее сейфе. Однако заявила, что указанные денежные средства тратила на нужды детского сада из-за недостаточности муниципального финансирования.

Мотивируя необоснованность данной версии подсудимой, суд первой инстанции не признал установленным факт, что К.Г.Ф. тратила личные средства на нужды детского сада. При этом суд сослался на показания двух свидетелей о том, что заведующая никогда не говорила об оплате личными средствами товаров и работ, а вела речь о расходовании денежных средств, начисленных К.И.А. и находящихся в сейфе.

Вместе с тем, ряд допрошенных свидетелей показали, что в период службы К.Г.Ф. в детском саду проводились ремонтные работы, были установлены бойлеры для воды, за чей счет – им не известно.

Показания свидетелей в этой части не получили оценки в приговоре. Довод осужденной об отсутствии надлежащего финансирования суд не проверил.

Таким образом, выдвинутый подсудимой довод об отсутствии корыстного мотива, цели обогащения, оплате подсудимой денежными средствами некоторых расходов детского сада суд не проверил, а исследованные доказательства в полном объеме не оценил [3].

Приговором Ковылкинского районного суда Республики Мордовия от 10 августа 2016 года Г.Л.А., глава Примокшанской сельской администрации, признана виновной в совершении трех хищений чужого имущества путем обмана и злоупотребления доверием (мошенничество), совершенных с использованием своего служебного положения, в крупном размере, а также в трех эпизодах внесения должностным лицом в официальные документы заведомо ложных сведений (служебный подлог), дважды из корыстной заинтересованности, а также из иной личной заинтересованности.

Являясь главой сельской администрации, Г.Л.А. подготавливала не соответствующие действительности выписки из похозяйственных книг о бессрочном пользовании гражданами земельными участками. На основании выписок земельные участки оформлялись в собственность граждан.

По эпизодам в отношении двух преступлений действия виновной квалифицированы в соответствии с предъявленным Г.Л.А. обвинением, то есть по части 3 статьи 159 УК РФ. По эпизоду в отношении Воробьевой Г.И. органы предварительного расследования квалифицировали действия Г.Л.А. по части 2 статьи 285 УК РФ.

Суд по эпизоду оформления земельного участка на В.Г.И. с части 2 статьи 285 УК РФ действия Г.Л.А. переквалифицировал на часть 3 статьи 159 УК РФ, оценив его, как и предыдущие эпизоды, как мошенничество. Суд признал наличие в действиях Г.Л.А. состава корыстного преступления, совершение Головой действий путем обмана и злоупотребления доверием, что

было установлено обвинением и вменено как злоупотребление Г.Л.А. доверием заместителя Главы администрации Примокшанского сельского поселения Б.Л.Н., введение последней в заблуждение.

При переквалификации действий суд, как и в предыдущих эпизодах, определяя размер материального ущерба, признал его причинение Ковылкинскому муниципальному району, тогда как органами предварительного расследования вменялось в вину Г.Л.А. причинение существенного нарушения прав и законных интересов граждан и организаций, выразившееся в незаконном оформлении собственности, невозможность приобретения данного земельного участка на законных основаниях другими гражданами, дискредитация органов местного самоуправления, а не реального материального вреда.

Кроме того, квалифицируя действия Г.Л.А., суд, исходя, в том числе и из предъявленного обвинения, одновременно признал их совершенными и из корыстных побуждений, что характеризует мошенничество, и из иной личной заинтересованности.

Согласно разъяснениям постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 года №1 9 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», в отличие от хищения чужого имущества с использованием служебного положения, злоупотребление должностными полномочиями из корыстной заинтересованности образуют такие деяния должностного лица, которые либо не связаны с изъятием чужого имущества (например, получение имущественной выгоды от использования имущества по назначению), либо связаны с временным и (или) возмездным изъятием имущества. Если использование должностным лицом своих служебных полномочий выразилось в хищении чужого имущества, когда фактически произошло его изъятие, содеянное полностью охватывается частью 3 статьи 159 УК РФ и дополнительной квалификации по статье 285 УК РФ не требует.

В тех случаях, когда должностное лицо, используя свои служебные полномочия, наряду с хищением чужого имущества совершило другие незаконные действия, связанные со злоупотреблениями служебными полномочиями из корыстной или иной личной заинтересованности, содеянное им надлежит квалифицировать по совокупности указанных преступлений.

Действия по эпизоду относительно земельного участка, оформленного на В.Г.И., органы предварительного расследования квалифицировали как злоупотребление должностными полномочиями, то есть использование должностным лицом своих полномочий вопреки интересам службы, повлекшее существенное нарушение прав и законных интересов граждан и организаций и охраняемых законом интересов общества и государства, совершенное главой органа местного самоуправления из иной личной заинтересованности.

Действия по части 2 статьи 292 УК РФ квалифицированы как служебный подлог, то есть внесение должностным лицом в официальные документы заведомо ложных сведений из иной личной заинтересованности.

Таким образом, органы предварительного расследования при подтверждении факта выбытия земельного участка и переходе его в собственность В.Г.И. не усмотрели наличия корыстной заинтересованности в действиях Г.Л.А., одновременно признав безвозмездность оформления передачи права собственности на земельный участок, наличие обмана и злоупотребления доверием.

Обвинение Г.Л.А. по эпизоду В.Г.И. предъявлено таким образом, что, копируя изложение таких же фактических обстоятельств дела, как и по предыдущим эпизодам, излагая существо обвинения и обосновывая его теми же фактами, органы предварительного следствия одновременно указывали на наличие иной личной заинтересованности в действиях Г.Л.А., обосновывали его фактом выбытия земельного участка из земель Примокшанского сельского поселения в собственность В.Г.И. Органы предварительного расследования в

обвинительном заключении, несмотря на приведенные в нем мотивы определения потерпевшей стороны, указывают на причинение ущерба в результате оформления земельного участка В.Г.И. сельскому поселению, ссылаются на размер причиненного вреда – 256 000 руб., обосновывая его заключением экспертизы, и одновременно указывают на существенное нарушение прав и законных интересов граждан и государства, выразившееся в незаконном оформлении В.Г.И. права собственности на земельный участок, повлекшее невозможность приобретения данного земельного участка на законных основаниях другими гражданами и организациями, ссылаются на безвозмездность оформления земельного участка.

Таким образом, предъявленное по эпизоду в отношении В.Г.И. обвинение содержало существенные противоречия – в части мотива действий Г.Л.А., направленности ее умысла, причиненного вреда и определение в связи с этим потерпевшего, характера перехода права собственности, установление злоупотребления доверием и обмана, свойственных хищению, – которые не позволяют сторонам осуществлять свои права и обязанности. О невозможности защищаться от такого рода предъявленного обвинения в судебном заседании заявила и сторона защиты [3].

Список использованных источников:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13.06.1996 № 63–ФЗ: (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Колесник Д.С. Понятие хищения и место мошенничества как формы хищения / Н.А. Кичкин // Научный альманах. – 2020. – № 4–3. – С. 34–36.
3. Обобщение судебной практики рассмотрения судами Республики Мордовия уголовных дел о мошенничестве (статьи 159-159.6 УК РФ) за 2016 и 2017 годы. Утверждено Президиумом Верховного Суда Республики

Мордовия 7 июня 2018 года //

http://vs.mor.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=593